

МНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ бесспорным, не требующим доказательств положение о том, что развитие современного искусства возможно лишь в органическом единстве двух начал: традиций и новаторства.

Новаторство, в моем представлении, может быть плодотворным лишь в том случае, если оно опирается на лучшие национальные, народные, веками сложившиеся традиции, несущие горячие патристические чувства, высокую гуманность, любовь к человеку труда, стремление к радости, свету и счастью народа.

Новаторство в искусстве — это требование самой жизни. Мы живем в обстановке огромных перемен в стране. Перелистывая свою записную книжку, я заметил, что в ней почти не осталось знакомых, проживающих по старым адресам. Каждый день я вижу машины, перевозящие мебель новоселов. Это стало обычным, как и подъемные краны на строительных площадках новых районов. И я подумал о том, что вот если бы я лет десять тому назад увидел кинофильм, в котором показывают жизнь токаря, грузчика или штукатура, живущего в новой благоустроенной квартире, в светлых, солнечных комнатах, обставленных современной мебелью, я бы, вероятно, решил: лакировка! А вот сегодня эта «лакировка» оказалась бытом, повседневным, обычным явлением времени. И для художника важно быть обязательно впереди, чтобы завтра не оказаться в хвосте событий.

Правильное понимание новаторства и его истоков особенно важно для нашей молодежи. В музыке, как, вероятно, и в других искусствах, молодежь ищет своего любимого героя.

Выбор героя — это главная задача, которую должен решить каждый автор. Ведь именно он, герой, будет носителем авторских мыслей и чувств.

Новаторство в подлинно художественном произведении немисливо без мастерства. Мы правильно говорим молодежи о необходимости активно искать новое, вырабатывать свой собственный творческий почерк. Но плохо, когда этот «собственный почерк» отличается неоправданной сложностью, экстравагантностью. Я скорее прошу молодому композитору некоторое подражание, что вполне понятно в начале творческого пути, чем соглашусь с этаким залихватским позерством. Люди моего поколения помнят, вероятно, левачкие загибы протеккульты с его попытками «сбросить классику с парохода современности», с «синеблужными» принципами художественного отображения современности, «модернистские» опысы на советской оперной сцене, примитивно-частушечную форму первых советских песен, робкие шаги новой оперной драматургии. Все это было. Но были и серьезные стремления найти единственно правильное соотношение содержания и формы, нового содержания и новых способов его художественного воплощения.

Я глубоко убежден, что если бы

наша эстетическая наука больше и лучше, с подлинно партийных позиций обобщала, изучала и анализировала весь опыт развития советского искусства, то многие вопросы перестали бы быть дискуссионными. Я вовсе не требую, чтобы наши искусствоведы и критики выработали некое техническое руководство для начинающих писателей или композиторов, создали

вечает их насущным запросам. Если в нем самом есть частица живой души народа. Без этого произведение мертво. Оно, как рыба, вытщенная из воды, будет жить очень недолго. Оно погибает быстро и безвозвратно. Сколько «шлягеров» слышал я в своей жизни, сколько их было, модных, ярких, пестрых, ходовых... Где они? Кто вспомнит о них? Но если произведение написано от

образный и необычайно богатый духовный мир советского человека.

МУЗЫКА — как сказка. Каждый слушатель добавляет в нее что-то от своего понимания. Когда перечитываешь народные сказки уже в зрелом возрасте, начинаешь замечать, как постепенно расширяется емкость их содержания. Мне кажется, что то же самое происходит и с музыкой. В первый раз слушаешь ее по-детски непосредственно, во второй, в третий замечает новые краски, новые цвета, а затем проникаешь в глубину тех мыслей и чувств, которыми хотел поделиться с тобой композитор.

Это значит, что слушателя музыки нужно готовить, воспитывать, наставлять, чтобы он мог, не ограничиваясь первыми впечатлениями, постепенно постигать глубокое содержание музыкальных произведений. И воспитывать не только лекциями и беседами — хотя это тоже очень важно, — но и самой музыкой.

Нужно сказать, что за последнее время в этой области делается немало. Большая сеть университетов культуры, различные другие формы пропаганды музыкальных знаний (например, традиционные воскресные чтения для учителей, проводимые в Ленинграде) приносят уже свои благотворные результаты. Но в этом сложном комплексе есть одно звено, которое особенно важно, — это музыкальное воспитание детей. Хорошо известно, что учить легче, чем перечислять, кроить — чем перекраивать, воспитывать — чем перевоспитывать. А что происходит у нас? В большинстве наших школ либо совсем нет уроков музыки, либо ведутся они из рук вон плохо. Во многих дошкольных учреждениях музыке вообще нет места.

У нас в Ленинградском союзе композиторов возникла в прошлом году идея создания для детей специальных музыкальных программ, записанных вместе с кратким пояснительным текстом на магнитофонную ленту. Мы подсчитали, что если в каждом классе восьмилетней школы ввести только по одному часу слушания музыки в неделю, то в среднем за 8 лет учебы школьник может прослушать около 300 музыкальных программ с записями лучших произведений русских народных песен, произведений мировой и русской классики и советской музыки и столько же коротеньких лекций. Наши музыковеды и педагоги-методисты начали подготовку программ для каждого класса отдельно по степеням трудности. Нашлась и материально-техническая база: студия звукозаписи Ленинградского отделения Музыкального фонда взялась за эту трудную и кропотливую работу. Горячо поддержала инициативу Союза композиторов ленинградские партийные организации. Я уверен, что систематическое музыкальное воспитание детей в школах поможет нам подготовить такого слушателя, о котором мы все мечтаем.

Это будет требовательный и взыскательный слушатель, и нам, композиторам, придется немало поработать, чтобы оказаться хотя бы немного впереди такого слушателя. А это станет возможным только в том случае, если композитор, постоянно и непрерывно оттачивая свое мастерство, будет чутко прислушиваться и присматриваться к тому, что происходит вокруг, улавливать закономерности развития нашего общества, думы и чаяния народа — строителя коммунизма.

МУЗЫКА — НАРОДУ!

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,

«книгу о здоровой и вкусной духовной пище». Я хочу лишь сказать, что обращение нашей творческой молодежи к давно решенным проблемам — это следствие недостатков ее воспитания. Говорят, что ребенку нельзя объяснить смысл слова «горячо», что он должен познать это эмпирически. Я в этом не совсем уверен и считаю, что при воспитании молодого творческого поколения можно и должно обойтись и без ненужных ожогов.

Есть и другие причины неверного понимания новаторства некоторыми представителями творческой молодежи, в том числе композиторской. Не является ли одной из них чрезмерно ранняя профессионализация композитора? Подумать только, что юноша, закончивший музыкальную школу, а затем и консерваторию по композиторскому факультету, прямо из консерватории приходит к нам в Союз композиторов и... начинает творить.

Но творить — значит говорить с народом. А что может сказать народу юнец, нигде не побывавший, ничего не видавший и мало что знающий. Я не хочу обижать молодежь, не хочу устанавливать возрастной ценз на вступление в творческие союзы, я хочу лишь напомнить о той ответственности, которую берет на себя всякий художник, выходящий на всенародную трибуну.

Странники ранней профессионализации композитора ссылаются на то, что она, мол, ускоряет выработку технического мастерства, профессионализма. Что ж, профессионализм, конечно, вещь важная. Но все-таки дело не только в профессиональной выучке. Я знаю высокопрофессиональных и образованных композиторов, ведущих основные классы в наших консерваториях, издающих великолепные учебники и пособия, но не создавших ни одного выдающегося произведения.

Я УБЕЖДЕН, что произведение только тогда завоевывает всеобщее признание, когда оно затрагивает души, мысли, чувства, чаяния, стремления людей, от-

лауреат Ленинской премии души, если композитор услышал голос народа, понял его чувства, уловил биение его сердца, тогда пройдут десятилетия, композитор состарится и уйдет, а музыка будет жить, не старея.

Я не помню, когда была написана «Широка страна моя родная» — вчера или двадцать лет тому назад. Я не знаю, когда были написаны «Реве та стогне Днипр широкий» или «Есть на Волге утес». Но я уверен, что их будут петь и через двадцать, и через пятьдесят лет.

То, что я сказал о песне, в равной мере и степени относится и к симфонической музыке. Она менее конкретна, она связана с понятиями более глубокими, она масштабнее по охвату событий и явлений, но и ее жизнеспособность неотделима от мыслей и чувств народа.

Если сердце композитора бьется в том же ритме, что и сердце народа, он в состоянии решить любую творческую задачу.

Мне кажется, что именно в этом ключ к пониманию успехов Прокофьева и Шостаковича, Хачатуряна и Кара Караева. Я убежден, что годы не состарят многие произведения этих авторов.

Я не хочу раздавать ордера на бессмертие музыки того или другого композитора. Это слишком часто и слишком щедро делают в наших творческих союзах. Я хочу лишь сказать, что время — лучший отдел технического контроля. Оно часто производит переоценку художественных ценностей. Но я знаю: то, что созвучно сердцу народному, то устоит и перед временем. А чтобы услышать биение этого большого и щедрого сердца, нужно сродниться с народом, быть всегда и во всем неразлучно с ним.

Есть музыка хорошая и плохая. Эмоциональная и равнодушная. Живая и мертвая. Правильно говорят, что секрет жизнеспособности всякого произведения зависит от того, насколько оно народно и отражает правду жизни. Большую правду искусства нужно искать не в «потоке жизни», не в нагромождении натуралистических картин, не в бытовом правдоподобии образа, не в скрупулезно точно переданных народных интонациях, а в такой же большой правде человеческих идеалов, которая определяет главное в нашей жизни.

Нельзя при этом путать правду с правдоподобием, реализм с натурализмом.

Не о натуралистическом правдоподобии должна идти речь, когда мы стремимся проникнуть в сущность жизни, а о тех деталях, через которые раскрывается большой, разно-